

ПЕТР ПЕРВЫЙ И ИМПЕРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ

DOI 10.31250/2618-8619-2022-2(16)-6-17
УДК 930

Владимир Николаевич Смирнов

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-1560-0685
E-mail: pustota94@yandex.ru

Карл Великий и Петр Великий: идея христианской империи в немецком романтизме и русской общественной мысли первой половины XIX века*

АННОТАЦИЯ. Идея единой христианской империи, столь популярная в немецком консервативном романтизме, отождествлялась зачастую с империей Карла Великого, которая, по мысли ряда немецких романтиков, объединяла христианские народы в единую наднациональную систему. Романтическое сопряжение частного и всеобщего предполагает, что Германское национальное государство содержит в себе наследие империи Карла Великого и в то же время ростки грядущей христианской империи, служа тем самым общечеловеческим интересам. Наиболее ярко эта идея была выражена у Новалиса в эссе «Христианство или Европа». Й. Геррес видел в фигуре Карла Великого наследника римского мирового господства, который при этом, объединив народы, построил органичную иерархическую систему, в основании которой сохранялся принцип германской военной демократии. Усвоение немецкого романтизма в русской общественной мысли связывается преимущественно со славянофильством, где идеал органического общества, сопряженный с народным началом, противопоставляется имперской бюрократии, и славянофильская критика петровских преобразований хорошо известна. Между тем положительная оценка фигуры Петра I имела место не только с западнических позиций и аргументировалась не только военно-политическими успехами петровской эпохи. Как и у немецких романтиков, в русской общественной мысли был силен мессианский элемент, предполагавший, что возрождение Европы придет из России, открывшейся миру благодаря петровским преобразованиям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: империя, Карл Великий, Петр Великий, немецкий романтизм, романтическая историософия

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Смирнов В. Н. Карл Великий и Петр Великий: идея христианской империи в немецком романтизме и русской общественной мысли первой половины XIX века. *Кunstкамера*. 2022. 2(16): 6–17. doi 10.31250/2618-8619-2022-2(16)-6-17

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 21-011-44093 Теология «Формирование религиозных традиций русской культуры в конце XVIII — первой половине XIX века (на материале философии и литературы)».

PETER THE GREAT AND IMPERIAL IDENTITY OF RUSSIA

Vladimir Smirnov

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-1560-0685
E-mail: pustota94@yandex.ru

Charlemagne and Peter the Great: The Idea of a Christian Empire in German Romanticism and Russian Social Thought in the First Half of the 19th Century

ABSTRACT. The idea of a single Christian empire, so popular in Germany during the conservative era of Romanticism, was often associated with the empire of Charlemagne, who, according to a number of German romantics, united Christian peoples into a single supranational system. The romantic pairing of the private and the public presupposes that the German nation-state constitutes both the legacy of Charlemagne's great empire and the sprouts of the emerging Christian empire, thereby serving humankind's universal interests. This idea was most distinctly expressed by Novalis in his essay "Christianity or Europe". Görres saw in Charlemagne an heir to the Roman hegemony, who managed to simultaneously unite many warring peoples and build an organic hierarchy, at the basis of which the principle of German military democracy was preserved. The assimilation of German Romanticism into the Russian social thought is mainly associated with Slavophilism, in which the ideal of an organic society associated with general will is opposed to the imperial bureaucracy, and the Slavophil criticism of Peter's reforms has been thoroughly researched. Nevertheless, the positive assessment of the figure of Peter the Great pertained not only from the pro-Western positions and did not depend solely on the military and political successes of the era. Not unlike German Romantics, there was a strong Messianic element in the Russian social thought, which assumed that Europe's rebirth would take root in Russia, that had finally opened up to the world thanks to the reforms of Peter the Great.

KEYWORDS: empire, Charlemagne, Peter the Great, German romanticism, romantic historiosophy

FOR CITATION: Smirnov V. Charlemagne and Peter the Great: The Idea of a Christian Empire in German Romanticism and Russian Social Thought in the First Half of the 19th Century. *Kunstkamera*. 2022. 2(16): 6–17. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2022-2(16)-6-17

ВВЕДЕНИЕ

Империя Карла Великого прочно ассоциируется с единством европейских народов в рамках общего христианского наднационального государства. Именно он в соответствии с принятой оптикой соединил античную образованность с христианским благочестием, возродив Римскую империю на новых основаниях. Карл Великий представляется как всеевропейский король, при котором Запад стал приобретать свои очертания. По этой причине фигура Карла Великого остается неизменно актуальной как для исторических исследований, так и для историософских построений и политической публицистики.

Наследники Карла заложат контуры будущих великих европейских государств. В XIX в., веке национализма, как и в XX в., будут вестись споры о происхождении Карла Великого, достигшие в Германии своего апогея по понятным причинам в 1930–1940-е годы (Хряков 2014: 325–326). При этом Карл Великий всегда будет идеалом именно для христиански ориентированных мыслителей. Те, кто в первой половине XX в. имел неоязыческую ориентацию, стремились обрести союзников в истории, наоборот, среди врагов Карла. Разные народы будут искать основания считать его своим соотечественником, а себя наследниками великой христианской империи, субстратом подлинной Европы. В современной Германии Карл Великий вновь стал символом единой наднациональной Европы, общей судьбы и примирения европейских народов (Пименова 2020).

НЕМЕЦКИЕ РОМАНТИКИ ПРОТИВ РЕФОРМАЦИИ И РЕВОЛЮЦИИ

В романтическую эпоху, как известно, происходит своеобразное открытие Средневековья. Сущность романтизма многими видится именно как новое переживание Средневековья поколением Великой французской революции. Именно на излете «века разума», в разгар революционных войн появляется интеллектуальная тенденция к поиску художественного вдохновения и социального идеала в том времени, которое традиционно называлось «темным».

Едва ли не первым, кто обратился к раннему Средневековью в поисках социального идеала, был Новалис. Его сочинение «Христианство или Европа», появившееся в 1799 г., на десятилетия опередило развитие немецкого романтизма, который на тот момент еще не приобрел консервативные черты. Йенские романтики на тот момент не могли принять столь реакционного сочинения, сквозившего симпатиями к иезуитам, где оправдывалась церковная цензура, костры инквизиции и в целом диктат папства над общественной жизнью. Новалис даже одобрял католический запрет на распространение теорий, противоречащих геоцентрической картине мира, поскольку они подрывают уважение к «земному Отечеству», а значит и к «Небесному» (Новалис 2003: 134–135).

Сочинение, в сущности, произвело скандал: Гете дал на него резко негативный отзыв, а братья Шлегели отказались его печатать, поэтому оно не вышло в свет при жизни автора. Между тем пройдет совсем немного времени и ориентация на Средневековье станет едва ли не главной чертой романтизма, а значительная часть романтиков обратится к католицизму как источнику благого духовного единства Европы. Религиозность Новалиса, впрочем, тоже имела свои корни в немецкой культуре рубежа веков. Предромантические идеи И. Г. Фихте и прежде всего Ф. Шлейермахера оказали влияние на мировоззрение Новалиса (Uerlings 1991: 116). Христианство романтиков хотя могло тяготеть к той или иной форме институциональной религиозности, все же было философским, основанном преимущественно на представлении о религии как чувственном соприкосновении конечного с бесконечным. В основе этого мировоззрения лежало натурфилософское представление об органическом развитии мира и человечества, движущегося к единой цели. Все мрачные стороны Средневековья представляются у Новалиса необходимыми элементами, движущими христианство в истории к единой цели. С этой точки зрения оказывается оправданным не только диктат папства и церковная цензура, но и последующая борьба различных христианских течений, сопровождавшаяся религиозными войнами и кострами инквизиции, поскольку история

представляет собой череду противоположенных движений: «Что сейчас не могло достигнуть завершения, достигнет его при будущей или вторичной попытке; нет ничего преходящего в том, что захвачено историей; из бесчисленных превращений оно все равно взойдет, обновляясь в обогащающихся образах» (Новалис 2003: 136). Все эти движения проникнуты единой целью, в которой растворяется любой личный и национальный эгоизм. Наряду с необходимостью кризисов, из которых возникает нечто новое, необходимо также нечто неизменное, прирастающее новыми веществами и формами (Новалис 1987: 49). Подобно Канту, Новалис утверждает, что у войны есть своя историческая миссия сближения различных европейских народов. В отличие от Канта, у Новалиса из войн должно возникнуть не соглашение между разными государствами, а государство государств, возвращающее Европе ее прежний облик единой духовной империи, которую протестанты раскололи с начала по религиозному, а затем по национальному принципу.

Заключенная в границы национальных государств, религия теряет свое космополитическое значение. Значение единой церкви состоит в том числе в установлении равновесия между христианскими народами: «Только религия способна снова пробудить Европу, обезопасив народы, учредив древнее миротворческое призвание христианства в новом зримом величии» (Новалис 2003: 144). Согласно Новалису, протестантизм исчезнет, когда установится единая церковь, воскреснет прежняя христианская Европа как единая империя: «Другие части света ждут, когда Европа воскреснет, примиренная, чтобы присоединиться к ней и обрести гражданство в Царстве Небесном. Не появится ли скоро в Европе новое сообщество истинно святых душ, не преисполнятся ли все истинные единоверцы желанием увидеть небо на земле?» (Новалис 2003: 145). При этом Новалис говорит именно о зримой земной церкви как о главном наднациональном, надгосударственном институте: «Христианство должно снова ожить в своей действительности, образовав зримую Церковь, не признающую государственных границ, принимающую в свое лоно все души, жаждущие неземного, как подобает добровольной посреднице между старым и новым миром» (Новалис 2003: 145).

По мысли Новалиса, Германии предстоит сыграть ключевую роль в грядущем духовном возрождении Европы: «Что касается других европейских стран, кроме Германии, остается только гадать, начнет ли в условиях мира пульсировать в них новая высшая религиозная жизнь и поглотит ли она все остальные мирские интересы. Напротив, в Германии можно уже с полной очевидностью выявить признаки нового мироустройства» (Новалис 2003: 142). Ценность национальных государств и народов обуславливается именно космополитическими целями: «Никакие ваши подпорки не помогут, когда ваше государство никнет к земле, но привяжите его высшим томлением к небесным высям, соотнесите его со вселенной, и вы обретете в нем никогда не слабеющую пружину, и ваши усилия будут щедро вознаграждены» (Новалис 2003: 141). При этом народы государства существуют исключительно как самостоятельные нравственные личности и служат конечным, частным выражением бесконечного, всеобщего. В связи с этим государство должно принимать максимально индивидуальный облик, что возможно только при монархическом устройстве. Значение монархии Новалис раскрывает в другом своем эссе под названием «Вера и Любовь, или Король и Королева» (Новалис 1987: 48). Нужно отметить, что взгляды Новалиса парадоксальным образом совпадают со взглядами Петра Чаадаева, изложенными в «Философических письмах»¹.

Новалис первым в свое время провозгласил средневековую Европу как единую теократическую наднациональную империю в качестве политического идеала. По мысли Новалиса, реформация и отрицание католицизма привело не только к расколу единой христианской Европы, но и нанесло удар по всему духовному содержанию европейского человечества, поскольку за вытеснением католицизма последовало вытеснение любой религиозности, а далее восторжествовал рационализм, вытесняющий уже всякую фантазию. В этом смысле Реформация и Просвещение идут рука об руку, уничтожая религиозность и сводя человека исключительно к природному существу, а природу, в свою очередь, к неодушевленному механизму.

¹ См. подробнее: (Смирнов, Евлампиев 2020).

Реформация и Революция как две катастрофы предстают у другого романтика — Йозефа фон Герреса. Геррес был теологом, чьи религиозно-политические взгляды в значительной мере определила натурфилософия Шеллинга, теософия Парацельса и Беме, мистика Майстера Экхарта, дошедшие до Герреса через Баадера. Впрочем, Геррес сам был не только натурфилософом, но и естествоиспытателем. Политические воззрения Герреса дрейфовали от республиканства к романтическому консерватизму, от восторженного принятия Французской революции до поиска политического идеала в Средневековье: «Это было время, когда религиозный энтузиазм все еще нависал над Европой, как жаркое лето, и армии и народы метались, как грозы, к святому гробу, чтобы там обрушиться на неверующих; когда Ватикан вел кровавую битву с язычниками за святой Сион; когда все христианские народы смотрели на чудесное небесное знамение, взошедшее на Востоке и стоявшее над могилами святых; когда весь христианский мир лежал с пылкой благочестивой преданностью перед теми священными местами, где небо вошло в прямое общение с землей», — пишет он в своей работе «Германия и революция» («Teutschland und die Revolution») (Görrges 1819: 54). Работа наиболее последовательно излагает религиозно-политическое учение Герреса, основанное на традиции немецкой мистики, идущей от Майстера Экхарта (Ерохов и др. 2013: 254).

Карл Великий, с точки зрения Герреса, своей волей через несчетное количество войн смог объединить народы Европы, унаследовав мировое господство от Рима. Духовное единство тех времен времен сохранялось и поддерживалось католической церковью. К концу XI в. христианство стало основой мира, укоренившись в качестве первоосновы человеческой личности и пробудив религиозность во всех народах (Görrges 1819: 121).

Реформация и революция, по мысли Герреса, оторвали мир от Средних веков. Последствием реформации стали религиозные войны, революция же уничтожила прежние обычаи и привела к деспотизму, поскольку революция осуществляется через буйство страстей, которое обязательно уничтожает все нравственные устои.

Нужно отметить, что, несмотря на свой специфический консерватизм, Геррес был не только противником революции, но и противником деспотизма. Главное свойство революции состоит в том, что она неизбежно перерастает в деспотизм, поскольку основана на насилии, а республиканский идеал гражданственности заменяет те христианские добродетели, которые имманентно присущи нравственной природе человека. Монархия при определенных условиях (как это было, с его точки зрения, в империи Карла Великого) может сосуществовать с демократией. В этой системе монарх выражает волю народа. Демократию в сочетании с внешним монархическим принципом Геррес сравнивает с Римом, где Юпитер, признавая всех богов, правил ими (Görrges 1819: 152–153).

Такова была в представлении Герреса и империя Карла Великого, который как «первый князь христианской монархии» не уничтожал покоряемые народы, а, соблюдая древние обычаи германской военной демократии, даже сохранил их свободу: «...умело объединенная имперскими чиновниками, получившими свою власть в войне и мире только от высшей власти, он сформировал первое по-настоящему органическое мировое государство» (Görrges 1819: 153). Религия, с точки зрения Герреса, представляет связь всех душ формирующегося мирового духа. Государство должно стать в грядущей Европе лишь первым этажом церкви. Монархический и демократический принципы осуществлялись в государстве Карла Великого как единой органической империи: «Демократия германских народов сначала привела к новой мировой монархии при Карле Великом, а затем распространила великое священническое государство по всей Европе» (Görrges 1819: 121).

ЕВРОПА И ХРИСТИАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Карл Великий, короновавшись римским императором, объявил тем самым переход Римской империи от ромеев к франкам. Так Западная Европа стала ассоциироваться с римским наследием,

став единственной «истинной» христианской империей. Восточная Римская империя, просуществовавшая еще 600 лет, отойдет в европейском сознании на периферию истории, но окажет влияние на Российское государство, породив при этом множество хорошо известных мессианских идей. Империя Петра Великого, достигнув при Екатерине Великой достаточного военно-политического могущества, стала вынашивать планы по возрождению Византийской империи. Согласно «Греческому проекту» Екатерины, ключевую роль в этом предстояло сыграть ее внукам Александру и Константину. Понятно, что ее планам не суждено было сбыться.

Однако мессианские мотивы в мировоззрении мистически настроенного императора Александра не исчезли. В значительной степени они подогревались немецкими мистиками и общими романтическими веяниями эпохи (Минаков 2013). Военно-политическое могущество России 1814 г. тем более указывало, что ей предстоит сыграть особую роль в судьбе Европы и христианства.

Одним из немецких мистиков, повлиявших на Александра, был пиетист Юнг-Штиллинг. С ним Александр встретился в 1814 г. и заключил «духовный союз» во имя «жизни для Господа». Некоторые исследователи связывают это событие с заключенным в 1815 г. «Священным союзом» христианских государей (Богданов 2015: 24).

Труды Юнг-Штиллинга были хорошо известны в России, они переводились русскими масонами, но нужно отметить, что сам Юнг-Штиллинг не был масоном и относился к ним резко отрицательно. Примечательно, что его труды не только переводились, но и русифицировались. Так, сочинения под общим названием «Der graue Mann» («Серый человек») публиковались под названием «Угрозы Световостоков». Согласно пиетистскому эсхатологическому символизму и романтическим мотивам, у героя есть отечество — «Вечный Восток». Духовное возрождение Европы произойдет через Восток — Россию.

Через Юнг-Штиллинга о мистических настроениях Александра стало известно Францу фон Баадеру, который был участником романтического движения и популяризировал средневековую немецкую мистику среди романтиков. У Баадера был свой проект преобразования Европы, пережившей революции и войны, на «истинно христианских» началах. Европа представляется у него единой теократической империей, основанной на принципе христианской любви. Для этого нужно преодолеть раскол христианства, произошедший в результате Реформации, через православную церковь. Русскому царю отводится в этом процессе ведущая роль. Баадер не нашел поддержки официальных властей Российской империи, особенно после смерти Александра I, но у него было много сторонников среди философствующей публики.

Будущий министр народного просвещения С. С. Уваров в период наполеоновских войн провел много времени среди представителей немецкой интеллектуальной культуры и со многими был в переписке. Вероятно, в тот период его мировоззрение приобрело черты консервативного немецкого романтизма, и он воспринял характерное для него органическое понимание государства, народа и их исторического развития: «Мы должны довольствоваться уверенением, что каждое явление в истории относится к своему началу и входит в состав морального мира и что все большие политические перевороты подлежат вечным законам необходимого» (Уваров 2014: 315). Самодержавная монархия многими романтиками будет восприниматься именно как главное основание всякой государственности и неизменное ядро общественного устройства. В то время на консервативные позиции перешел Фридрих Шлегель, чье раннее республиканское мировоззрение времен «Христианства или Европы» Новалиса развернулось в сторону габсбургской монархии. В 1808 г. Шлегель принимает католичество, и в этот же год выходит его работа «О языке и мудрости индийцев» («Über die Sprache und Weisheit der Indier», 1808).

Примечательно, что знаменитый уваровский «Проект Азиатской академии» появился под непосредственным влиянием Фридриха Шлегеля и в особенно его работы «О языке и мудрости индийцев». Отчасти этот проект говорил об оформившемся консервативном мировоззрении Уварова, искавшего пути избавления России от некоторых деструктивных тенденций, шедших из Европы. Вместе с тем здесь распознается характерный европейский ориентализм, расцветший как

раз в эту эпоху. В речи 1818 г. Уваров произносит: «Не все люди в сложности составляют человечество; не все языки принадлежат к филологии. Один греческий язык с происходящим от него латинским дает нам ключ к познанию всего западного мира; таким же образом арабский язык в соединении с языком Персии — ключ всей западной Азии и был долго ключом к познанию всей восточной древности. С тех пор, как мы обогатились знанием санскрита и всех диалектов Индии, средняя сфера азиатских языков, без сомнения, изо всех важнейшая, каждый день более и более привлекает любопытство и внимание» (Уваров 2014: 290). Уваров познакомил Фридриха Шлегеля со своим «Проектом Азиатской академии» (1810), и Шлегель одобрил его, прислав свои «Лекции по новейшей истории» («Über die neuere Geschichte», 1810). Их Уваров, в свою очередь, отослал Карамзину (Зорин 2001: 352).

Уваровский проект предполагал, что подробное изучение восточного наследия должно дать объемную картину мировой истории и подвести к той историсофской схеме, где каждая цивилизация, вбирая в себя наследие предшествующих цивилизаций, должна сказать свое слово в мировой истории. Понятно, что именно России, умудренной также восточной культурой, вскоре предстоит стать преемницей Западного мира. Чисто практические преимущества восточной колонизации им, разумеется, тоже хорошо осознавались.

По мысли Уварова, христианство разрушило Римскую империю, но Европа пробудилась, и германские народы воссоздали ее на новых началах. Германцы создали феодальную систему, которая сделала Европу вновь единой. Зримым выражением единства Европы стали Крестовые походы. Россия была в стороне от этого движения, но сегодня именно она определяет судьбы Европы.

Идея христианской империи была не чужда и некоторым декабристам. В этом отношении выделяются братья Бестужевы. Характерной чертой Бестужевых при этом можно считать исключительно положительную оценку исторической роли Петра Великого, что в целом не свойственно участникам декабристского движения (Андреева 2021). В качестве политического идеала декабриста Бестужева-Марлинского можно назвать монархию, связанную с сильным влиянием аристократии. При этом он абсолютно лоялен имперскому принципу и лично государю: «Я уверен, что Небо даровало в Вас другого Петра Великого... более чем Петра, ибо в наш век и с Вашими способностями, Государь, быть им — мало», — пишет он императору Николаю I из Петропавловской крепости (Бестужев-Марлинский 1981).

Петр Великий, по мысли Бестужева-Марлинского, вырвал Россию из числа азиатских государств, и теперь Россия, расширяя свое влияние, служит распространению христианства, а значит цивилизации: «Не пустые завоевания, но победа над варварством, но благо человечества были его целью. Дербент, Бака, Астрабат — вот звенья цепи, которою хотел он опутать Кавказ и связать торговлю Индии с русскою. Полубог Севера! Ты, которого создала природа, чтобы польстить гордости человека и привести в отчаяние недоступным величием, — твоя тень возникла передо мной, огромна и лучезарна, и водопад веков, казалось, рассыпался в пену у твоих стоп» (Бестужев-Марлинский 1995: 56). Нужно, конечно, иметь в виду, что христианство, цивилизация и Европа здесь практически отождествляются.

Петр Бестужев, в отличие от брата Александра, не по своей воле попал в действующую армию и очень тяготился службой. В итоге он был уволен вследствие психического расстройства, но при этом восторженно описывает штурм крепости Ахалцих, при котором получил ранение: «Замечательно, что во время блокады города над минаретом прекрасной мечети, построенной, как уверяют, по плану Софийской в Константинополе, лопнула бомба и сбила луну, его увенчивающую. Плохое предсказание для ее обожателей... Душевно желаю, чтоб победители за Варною совершили то же над подлинником... Тогда... глухо раздастся в целой Европе звук молотов, — отковки креста, от святой Софии, — и воспрянут утомленные неравною борьбою потомки Периклов и Сократов» (Бестужев 1951: 349). Такие воззрения демонстрируют, что христианское имперское мессианство было совершенно не чуждо участникам декабристского движения.

Важная для русской культуры XIX в. тема «гибели Запада» громко прозвучала в кружке Любоумудров, находившихся под влиянием немецкой романтической философии (Валицкий 2013). Их интеллектуальные устремления позже постарался передать участник кружка князь Одоевский в своем романе «Русские ночи»: «Чтобы достигнуть полного гармонического развития основных общечеловеческих стихий, Западу, несмотря на всю величину его, не достало другого Петра, который бы привил ему свежие, могучие соки славянского Востока!» (Одоевский 1975: 181). Любоумудры были почти ровесниками века, поэтому их мировоззрение в значительной степени составляли романтические веяния эпохи и недавняя память о наполеоновских войнах, в которых они в силу возраста не успели принять участия. Могущество России в этот период указывало на незаурядную роль, которую ей предстояло сыграть в судьбах Европы (Койре 2003). Романтическая натурфилософия позволяла строить на этот счет восторженные историософские картины: «Европа назвала русского избавителем; в этом имени таится другое, еще высшее звание, которого могущество должно проникнуть все сферы общественной жизни: не одно тело должны спасти мы, но и душу Европы!» (Одоевский 1975: 148).

Христианский утопизм славянофилов, многие из которых вышли из среды Любоумудров, предполагал, как хорошо известно, обширную критику фигуры Петра Великого и его преобразований, разрушивших традиционный национальный уклад (Валицкий 2019). В этом свете интересно посмотреть на то, как фигура Петра Великого вписывается в исторические и социальные концепции западников, также основанные на христианской историософии.

Константин Дмитриевич Кавелин также утверждает три основания Европы — христианство, молодые варварские народы и наследие древнего мира. Как славяне, так и германцы являются у Кавелина коренными жителями Европы. Основу христианства составляет внутренняя свобода личности, подавляемая до христианства внешними обстоятельствами. Личность начиная с первых христиан стала пониматься как «живой сосуд духовного мира и его святыни; если не в действительности, то в возможности», — пишет он в работе «Взгляд на юридический быт древней России» (Кавелин 1897: 15).

Таким образом, основанием христианства является личностное начало. Германцы, по мысли Кавелина, еще в свою языческую историю обладали личностным началом и, соприкасаясь с Римом, наследием древнего мира. Славяне же не имеют в своем субстрате личностного начала, и быт славян не основан на нем. Личностное начало германских государств заставляет их воевать друг с другом, преследуя всевозможные эгоистические цели, но тем самым они неосознанно способствуют приближению общей цели человечества. Общей целью христианского человечества, по мысли Кавелина, является утверждение человеческого достоинства и его всестороннее развитие. Кавелин пишет: «Христианское начало безусловного достоинства человека и личности вместе с христианством рано или поздно должно было перейти и в мир гражданский» (Кавелин 1897: 17).

В этой картине перед германцами стоит задача трансформации своей изначальной личности в христианскую личность. Славянам предстояло еще создать личность, и, конечно, главную роль в этом сыграл Петр Великий: «Вся частная жизнь Петра, вся его государственная деятельность есть первая фаза осуществления начала личности в русской истории» (Кавелин 1897: 59).

Николай Иванович Надеждин, особенно на раннем этапе эволюции своего мировоззрения, разделял романтические взгляды Любоумудров и, в сущности, был их единомышленником. Он также был увлечен новой немецкой философией, и особую роль здесь опять же играл Шеллинг. Как и многие интеллектуалы того периода, он воспринял и творчески перерабатывал романтическую натурфилософию, приспособив ее к собственным историософским концепциям. Историософия Надеждина служит для обоснования его эстетических воззрений. Упадок Римской империи и сопряженное с этим окончательное разрушение греко-римского искусства знаменовало начало веков тьмы, варварства и брожения. Множество молодых народов искало свое место на пространстве бывшей Римской империи и ничто их не связывало, кроме одного — христианской религии, доставшейся от дряхлеющего Рима. Первой попыткой основать единство народов и возродить древ-

ною образованность было, по мысли Надеждина, Остготское царство, которое тоже вскоре пало, но заронило зерна античного вкуса. Для Лангобардского королевства было характерно хаотичное смешение различных влияний: византийских, сарацинских, собственно европейских, — и потому там тоже не могло быть высокого искусства, для которого необходимо некое единство мысли. По мысли Надеждина, его на какое-то время дал Карл Великий: «Карл Великий, возложив на чело свое диадему кесарей, пытался основать сие единство, воздвигнув колоссальный призрак европейской монархии, где по мановению его императорской воли должна была господствовать одна мысль, одна гражданственность, одно искусство. Но сей призрак исчез вместе с ним, и Европа снова погрузилась в хаос беспорядка. С тем вместе и творческая деятельность, разумеется, должна была остановиться в своем дальнейшем развитии» (Надеждин 1974: 437–438).

Надеждин не разделяет сложившуюся оптику, будто Средневековье не содержало в себе ничего ценного и последующая эпоха Возрождения была отрицанием предшествующих веков: «Но да позволено будет мне, милостивые государи, быть ходатаем за сей отверженный период, в коем чрез долговременное брожение выработались все стихии просвещения, гражданственности и творчества, развившиеся в блистательную эпоху Возрождения!» (Надеждин 1974: 438). Средневековье, по его мысли, ценно именно тем, что европейское человечество достигло тогда духовного единства на основе христианской религии. Как и Геррес, Надеждин особое значение в этом придает крестовым походам: «Поэтическое одушевление крестовых походов, всколыхав Европу одним чувством, приготовило ее к вожделенному единству мыслей и действий. Под священной хоругвью креста раздробленные племена Запада познали свое сродство: отдельные безуспешные порывы слились в одно общее стремление!» (Надеждин 1974: 439). К слову, Надеждин в очень схожей с Герресом манере называет Реформацию катастрофой, исказившей облик Европы.

Если попробовать резюмировать эстетико-историософские взгляды Надеждина, то античное мировосприятие, направленное вовне, нашло отражение в классицизме. Средневековая обращенность внутрь человеческой души отразилась в романтизме. Задачей нового искусства будет прийти к согласию этих двух противоположностей. России, по всей вероятности, и предстоит выработать это новое искусство.

Идея христианской империи в прикладной политической мысли проявилась в работах Ф. И. Тютчева, который, долгое время прожив в Германии, унаследовал многие черты немецкого консервативного романтизма. В статье «Россия и Запад» он пишет:

«1. Что является общим местом в суждениях о вселенской Монархии? Откуда оно взялось? <...>

2. Политическое равновесие в истории находится в соответствии с разделением властей в государственном праве. И то, и другое является следствием с революционной точки зрения и отрицанием с органической точки зрения.

3. Вселенская Монархия — это Империя. Империя же никогда не прекращала своего существования. Она только переходила из рук в руки.

4. 4 империи: Ассирия, Персия, Македония, Рим. С Константина начинается 5-я и окончательная Империя, христианская Империя.

5. Нельзя отрицать христианскую Империю без отрицания христианской Церкви. Они соотносительны между собой. В обоих случаях происходит отрицание предания.

6. Церковь, освящая Империю, присоединила ее к себе — следовательно, сделала ее окончательной. Отсюда вытекает, что все, отрицающее Христианство, часто весьма могущественно в отрицании, но всегда бессильно в созидании, потому, что является бунтом против Империи» (Тютчев 2003: 198).

Если для консервативных немецких романтиков было две катастрофы, ударившие по христианскому миру — Реформация и революция, то в историософии Тютчева появляется еще одно — папство. При этом он не отождествляет католичество с папством. С папством у Тютчева связывается традиционная для русской консервативной мысли критика Запада. Тютчев горячо поддерживает

военно-политическую экспансию России, поскольку это приближает цель объединения христианских церквей и наносит удар по папству: «Итак, поглощение Австрии есть не только необходимое пополнение России как славянской Империи, но еще и подчинение ей Германии и Италии, двух стран Империи. Другое дело, предваряющее объединение Церквей, — это лишение Римского Папы светской власти» (Тютчев 2003: 198).

Прежняя изолированность России от Западного мира вовсе не умаляет ее значения во всемирной истории. В статье «Россия и Германия», написанной против книги де Кюстина «Россия в 1839 году», Тютчев говорит о том, что Россия смогла отстоять свою независимость и независимость других народов в период наполеоновских войн, несмотря на то что в свое время не была причастна к европейским системам папства, феодализма и империй. Отстояв независимость Германии, Россия, по мысли Тютчева, создала истинный нравственный союз европейских монархий, который должен послужить на благо всего человечества: «Россия поддержала целую народность, приходящий в упадок мир, который она воззвала к самобытной жизни, которому вернула самостоятельность и устроила его. И во имя этого же права она сумеет воспрепятствовать любителям политических опытов выманить или оторвать целые народности от их центра живого единства, чтобы затем с большей легкостью перекроить и обтесать их, будто неодушевленные предметы, по прихоти бесчисленных фантазий, — словом, не позволит им отделить от тела живые члены под предлогом обеспечения для них большей свободы движения» (Тютчев 2011: 45). Так Россия противостоит стиранию индивидуального облика государств и народов, ведь согласно романтическому мировоззрению всеобщее, божественное всегда имеет индивидуальное выражение.

Запад, напротив, по мысли Тютчева, не готов видеть в восточных христианах равных себе и стремится обратить их в свою веру, уничтожив их индивидуальный облик. По этой причине Тютчев выступает за ликвидацию Польши как государства, поскольку, с его точки зрения, истинная польская народность должна развиваться именно в рамках восточного христианства, а католичество было внушено полякам извне. Европа, как империя Карла Великого, уже пребывает расколотой на католиков и протестантов, уже заражена деструктивными философскими идеями, которые с необходимостью ведут ее к разрушению. Ей на смену идет другая доселе незамеченная христианская империя, которая призвана осуществить чаемое единство христианского мира, — это империя Петра Великого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно увидеть, что русские и немецкие мессианские идеи первой половины XIX в. не просто имеют схожие черты, но и в значительной мере обладают общим происхождением в романтической культуре. Исторический нарратив немецких романтиков нашел продолжение на русской почве. При этом важно отметить, пожалуй, даже большее влияние на русскую мысль не католических романтиков, а протестантских (т. е. выросших в протестантской среде, в сущности, их христианство было специфически философским и противоречило во многом протестантизму тоже), в которых уже содержалась критика римской церкви, дававшая основания для русского христианского утопизма. Задача России здесь мыслилась как возвращение Европе ее истинного предназначения².

Резюмируя, можно сказать, что Петр Великий и Карл Великий в русской общественной мысли не в сравнении и отождествлении, но, в сущности, как персонажи одной исторической драмы. Таким образом, фигуры Карла Великого и Петра Великого в русской общественной мысли XIX в. в большей степени не сопоставляются, а предстают как части одной историческо-философской картины. При этом мотив «Гибели Запада» вовсе не имеет антиевропейского смысла. В сущности, Европа и христианство во многом отождествлялись, и идея гибели Запада — империи Карла Великого — мыслилась в связке с идеей спасения Запада со стороны России — империи Петра Великого.

² См. подробно: (Евлампиев 2017).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева Т. В.* Эпоха Петра I в историческом сознании декабристов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2021. № 1. С. 71–81.
- Бестужев П. А.* Памятные записки. 1828 и 1829 годы // Воспоминания Бестужевых. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 341–383.
- Бестужев-Марлинский А. А.* Об историческом ходе свободомыслия в России (письмо Николаю I) // Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1981. Т. 2. С. 485–493.
- Бестужев-Марлинский А. А.* Аммалат-бек // Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести. СПб.: Наука, 1995. С. 5–93.
- Богданов К. А. И. Г.* Юнг-Шиллинг в России: религиозный интернационал, духовная география и миражи конспирологии // Русская литература. 2015. № 4. С. 14–27.
- Валицкий А.* История русской мысли от просвещения до марксизма. М.: Канон+, 2013.
- Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
- Евлампиев И. И.* Русская идея и идея Европы // Вече. Журнал русской философии и культуры. 2017. Вып. 29. С. 8–18.
- Ерохов И. А., Федорова М. М., Яковлева А. Ф.* Очерки истории западной политической философии. М.: Летний сад, 2013.
- Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
- Кавелин К. Д.* Взгляд на юридический быт древней России // Кавелин К. Д. Собрание сочинений: в 4 т. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1897. Т. 1. С. 5–66.
- Койре А.* Философия и национальная проблема в России начала XIX века. М.: Модест Колеров, 2003.
- Минаков А. Ю.* Русская партия в первой четверти XIX века. М.: Институт русской цивилизации, 2013.
- Надеждин Н. И.* О современном направлении изящных искусств // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века: в 2 т. М.: Искусство, 1974. Т. 2. С. 417–459.
- Новалис.* Вера и Любовь, или Король и Королева // Эстетика немецких романтиков. М.: Искусство, 1987. С. 44–57.
- Новалис.* Христианство или Европа // Генрих фон Офтердинген. М.: Ладомир; Наука, 2003. С. 134–145.
- Одоевский В. Ф.* Русские ночи. Л.: Наука, 1975.
- Пименова Е. В.* Страна, которая отказалась от прошлого? Древность, средневековье и новое время в современном политическом дискурсе ФРГ // Свободная мысль. 2020. № 1. С. 63–78.
- Смирнов В. Н., Евлампиев И. И.* Система Гегеля и Романтизм: два полюса исторических воззрений П. Я. Чаадаева // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21, № 4-2. С. 124–136.
- Тютчев Ф. И.* Россия и Запад // Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем: в 6 т. М.: Классика, 2003. Т. 3. С. 179–200.
- Тютчев Ф. И.* Письмо доктору Густаву Кольбу, редактору «Всеобщей газеты» // Тютчев Ф. И. Россия и Запад. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 35–53.
- Уваров С. С.* Речь президента Императорской Академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного педагогического института, 22 марта 1818 года // Уваров С. С. Государственные основы. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 287–317.
- Хряков А. В.* Карл Великий или «истребитель саксов»? Борьба за франкского императора в нацистской Германии // Люди и тексты: ист. альманах. 2014. № 6. С. 325–349.
- Görres J.* Teutschland und die Revolution. Koblenz: Hölscher, 1819.
- Uerlings H.* Friedrich von Hardenberg, genannt Novalis: Werk und Forschung. Stuttgart: J. B. Metzler, 1991.

REFERENCES

- Andreeva T. V. Epokha Petra I v istoricheskom soznanii dekabristov [The Era of Peter the Great in the Historical Consciousness of the Decembrists]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriia, filologiia*, 2021, vol. 1, pp. 71–81. (In Russian)
- Bogdanov K. A. J. H. Jung-Stilling v Rossii: religiozni internatsional, dukhovnaia geografiia i mirazhi konspirologii [Johann Heinrich Jung-Stilling in Russia: A Religious International, Spiritual Geography and Mirages of Conspirology]. *Russkaia literatura*, 2015, no. 4, pp. 14–27. (In Russian)

- Erokhov I. A., Fedorova M. M., Yakovleva A. F. *Ocherki istorii zapadnoi politicheskoi filosofii* [Sketches of the History of the Western Political Philosophy]. Moscow: Letnii sad, 2013. (In Russian)
- Evlampiev I. I. Russkaia idea i ideia Evropy [The Russian Idea and the Idea of Europe]. *Veche. Zhurnal russkoi filosofii i kul'tury*, vol. 29. St. Petersburg, 2017, pp. 8–18. (In Russian)
- Khriakov A. V. Karl Velikii ili “istrebitel’ saksov”? Bor’ba za franskogo imperatora v natsistskoi Germanii [Charlemagne or the “Exterminator of the Saxons”? The Fight for the Frankish Emperor in Nazi Germany]. *Liudi i teksty: Istoricheskii al'manakh*, 2014, no. 6, pp. 325–349. (In Russian)
- Koyré A. *Filosofia i natsional'naia problema v Rossii nachala XIX veka* [Philosophy and National Problem in Russia of Early 19th Century]. Moscow: Modest Kolerov, 2003. (In Russian)
- Minakov A. Yu. *Russkaia partiia v pervoi chetverti XIX veka* [Russian Party in the First Quarter of the 19th Century]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2013. (In Russian)
- Nadezhdin N. I. O sovremennom napravlenii iziashchnykh iskusstv [On the Modern Direction of Fine Arts]. *Russkie esteticheskie traktaty pervoi treti XIX veka v 2 tomakh* [Russian Aesthetic Treatises of the First Third of the 19th Century in 2 vols.]. Vol. 2. Moscow: Iskusstvo, 1974, pp. 417–459. (In Russian)
- Pimenova E. V. Strana, kotoraiia otkazalas' ot proshlogo? Drevnost', srednevekov'e i novoe vremia v sovremennom politicheskom diskurse FRG [A Country that has Abandoned the Past? Antiquity, Middle Ages and Modern Times in the Modern Political Discourse of the Federal Republic of Germany]. *Svobodna mysl'*, 2020, vol. 1, pp. 63–78. (In Russian)
- Smirnov V. N., Evlampiev I. I. Sistema Gegelia i Romantizm: dva poliusa istoricheskikh vozzrenii P. Ya. Chaadaeva [System of Hegel and Romanticism: Two Extremes of Historical Attitudes of P. Ya. Chaadaev]. *Vestnik RHGA*, 2020, vol. 21, no. 4–2, pp. 124–136. (In Russian)
- Uerlings H. Friedrich von Hardenberg, genannt Novalis: Werk und Forschung. Stuttgart: J. B. Metzler, 1991.
- Uvarov S. S. Rech' prezidenta Imperatorskoi Akademii nauk, popechitelia Sankt-Peterburgskogo uchebnogo okruga, v torzhestvennom sobranii Glavnogo pedagogicheskogo instituta, 22 marta 1818 goda [Speech of the President of the Imperial Academy of Sciences, the Trustee of the St. Petersburg Educational District in the Solemn Meeting of the Main Pedagogical Institute, March 22nd, 1818]. *Uvarov S. S. Gosudarstvennye osnovy* [Fundamentals of a State]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2014, pp. 287–317. (In Russian)
- Walicki A. *Istoriia russkoi mysli ot prosveshheniia do marksizma* [History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism]. Moscow: Kanon+, 2013. (In Russian)
- Walicki A. *V krugu konservativnoi utopii. Struktura i metamorfozy russkogo slavianofil'stva* [In the Circle of Conservative Utopia. Structure and Metamorphoses of Russian Slavophilism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. (In Russian)
- Zorin A. L. “Kormia dvuglavogo orla...” *Russkaia literatura i gosudarstvennaia ideologiia v poslednei treti XVIII – pervoi treti XIX veka* [“Nourishing Double-Headed Eagle”: Literature and State Ideology in Russia of the Last Third of the 18th – the First Third of the 19th Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. (In Russian)

Submitted: 29.12.2021

Accepted: 04.04.2022

Published: 10.07.2022